

Бу-Амама / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Бу-Амама / рассказ БУ-АМАМА

Мудрено сказать, даже в настоящее время, кто такой был Бу-Амама. Этот неуловимый шутник, сбивший с толку нашу африканскую армию, исчез так бесследно, что начинаешь сомневаться, уж впрямь ли он существовал.

Заслуживающие доверия офицеры, которые, по их словам, встречались с ним, описывали мне его по одному, но другие, не менее положительные лица, уверенные в том, что видели Бу-Амаму, изображают его совсем по-иному.

Во всяком случае, этот разбойник был только предводителем немногочисленной шайки, которую, по-видимому, побудила к восстанию нужда. Эти люди дрались лишь для того, чтобы опустошать хлебные склады или грабить поезда. Они действовали, очевидно, не из чувства ненависти или религиозного фанатизма, но под влиянием голода. При нашей системе колонизации, которая состоит в том, чтобы разорять арабов, неустанно обирать их, безжалостно преследовать и доводить до крайней степени нищеты, нам придется увидеть еще не одно восстание.

Другим поводом для этой войны, возможно, было появление на высоких плато испанцев, торговцев альфой.

В этом океане альфы, на этом безотрадном, зеленоватом, безжизненном пространстве под палящим небом, жил целый народ, орды смуглых людей, авантюристов, покинувших родную страну из-за нужды или по какой-нибудь иной причине. Более дикие, чем арабы, и куда более опасные, отрезанные от мира, живущие вдали от города, от всякого закона, от всякой власти, они вели себя, как их предки на новооткрытых землях: они были грубы, кровожадны, неистово жестоки по отношению к туземцам.

Месть арабов была ужасна.

Вот в нескольких словах внешний повод к восстанию.

Два марабута открыто проповедовали мятеж среди одного южного племени. Лейтенант Вейнбрэннер был послан с поручением

арестовать каида этого племени. Французскому офицеру дано было в качестве охраны четыре человека. Его убили.

Полковнику Инноченти было поручено отомстить за эту смерть, и на помощь ему послали саидского агу.

Но вот гум саидского аги встретился по дороге с отрядом племени трафи, тоже направлявшимся в распоряжение полковника Инноченти. Между двумя племенами возникла ссора; трафи отложились и перешли на сторону Бу-Амамы. Тут-то и произошло дело при Шеллале, о котором говорилось уже сотни раз. После того как обоз полковника Инноченти был разграблен, полковник, к которому общественное мнение отнеслось, кажется, чрезвычайно снисходительно, отправился форсированным маршем по направлению к Крейдеру, чтоб пополнить свою колонну; этим он совершенно открыл дорогу врагу, чем последний и воспользовался.

Отметим любопытный факт. В один и тот же день и в один и тот же час официальные депеши извещали о пребывании Бу-Амамы в двух местах, отстоящих друг от друга на полтора-два километра. Пользуясь предоставленной ему полной свободой, этот предводитель проследовал в двенадцати километрах от Жеривилия, убив по дороге бригадира Бренжара, посланного в сопровождении всего нескольких человек наладить телеграфную связь в охваченной восстанием местности; затем он вернулся на север.

После этого он прошел через территорию племен хасассен и харрар и, по всей вероятности, отдал им приказ о поголовном истреблении испанцев, что и было в скором времени приведено ими в исполнение.

Наконец он прибыл в Айн-Кетифу и два дня спустя расположился лагерем у Хаси-Тирсина, всего лишь в двадцати двух километрах от Сайды.

Военные власти, почувствовав наконец беспокойство, предупредили вечером десятого июня Франко-Алжирскую компанию о необходимости ввиду волнения в стране отозвать всех своих агентов. Всю ночь напролет циркулировали поезда до конечной станции железнодорожного пути, но в течение нескольких часов невозможно было вывезти все конторы, рассеянные на площади в полтора-два квадратных километра. И на рассвете одиннадцатого началась резня.

Ее производили главным образом два племени — хасассены и харрары, — полные смертельной ненависти к испанцам, живущим на их земле.

И все же из боязни восстания эти племена оставили в покое, хотя они вырезали около трехсот человек мужчин, женщин и детей. Арабские всадники, задержанные с награбленным добром, с платьем испанок, спрятанным под седлами, были, говорят, отпущены на свободу якобы за недостатком улики.

Итак, десятого вечером Бу-Амама стоял лагерем в Хаси-Тирсине, в двадцати двух километрах от Сайды. А в это самое время генерал Серез телеграфировал губернатору, что мятежный предводитель пытается пройти на юг.

В последующие дни смелый марабут разграбил селения Тафрауа к Крайфаллах и нагрузил всех своих верблюдов добычей, захватив на несколько миллионов товаров и продовольствия.

Он снова вернулся в Хаси-Тирсин, чтоб пополнить свои силы; затем разделил своих людей на два отряда, один из которых отправился в Айн-Кетифу. Здесь он был задержан и разбит гумом шаррауи (колонна Брюнетьера).

Другой отряд, под командованием самого Бу-Амамы, оказался запертым между колонной генерала Детри, стоящей у Эль-Майя, и колонной полковника Маларе, расположившейся близ Крейдера, в Ксар-эль-Крелифе. Ему надлежало пройти между ними, что было нелегко. Тогда Бу-Амама послал своих всадников к лагерю генерала Детри, который бросился со всей колонной преследовать их до Айн-Сфисифы, далеко за шотт, будучи убежден, что настигает самого марабута. Хитрость удалась. Путь был свободен. На другой день после отъезда генерала мятежный предводитель занял его лагерь. Это было четырнадцатого июня.

Со своей стороны полковник Маларе, вместо того чтобы охранять Крейдерский проход, стал лагерем у Ксар-эль-Крелифы, в четырех километрах в сторону от него. Бу-Амама тотчас же послал сильный отряд всадника с тем, чтобы он проскакал мимо лагеря полковника, который дал по ним лишь шесть пушечных залпов. А в это время караван нагруженных верблюдов преспокойно проследовал через шотт вблизи Крейдера, в единственном месте, где проход не был затруднен. Оттуда марабут должен был

переправить свои запасы на хранение к мограмам, своему племени, в четырехстах километрах к югу от Жеривилля.

Откуда, спросят у меня, такие точные сведения? Да отовсюду. Они, конечно, будут оспариваться некоторыми лицами по одному поводу, другими – по другому. Я ничего не могу утверждать, так как только собрал объяснения, показавшиеся мне наиболее правдоподобными. В такой стране, как Алжир, вообще невозможно добиться точной справки о том, что происходит или происходило на расстоянии трех километров от того места, где вы находитесь. Что касается военных известий, то в течение всей этой кампании они словно доставлялись нам каким-нибудь злым шутником. В один и тот же день Бу-Амама бывал обнаружен в шести различных местах шестью корпусными командирами, которые были убеждены, что он у них в руках. Если бы к полной коллекции официальных депеш добавить кое-какие сообщения телеграфных агентств, получился бы презабавный сборник. Некоторые депеши, невероятность которых была слишком очевидна, были, впрочем, задержаны алжирской администрацией.

Остроумная карикатура, нарисованная одним колонистом, довольно хорошо, как мне показалось, объясняет положение. На ней изображен старый генерал, толстый, усатый, в расшитом мундире, стоящий лицом к пустыне. Он обзирает недоумевающим взором громадную, голую, холмистую равнину, границы которой теряются вдаль, и бормочет: «Они здесь!.. Где-нибудь здесь!» Потом, обращаясь к адъютанту, неподвижно стоящему за его спиной, возглашает решительно:

– Телеграфируйте правительству, что враг передо мной и я отправляюсь его преследовать.

Единственные сколько-нибудь достоверные сведения, которые можно было получить, исходили от испанских пленных, бежавших от Бу-Амамы. Я имел возможность говорить через переводчика с одним из этих людей, и вот что он мне рассказал.

Его звали Блас Рохо Пелисайре. Десятого июня вечером, когда он с товарищами сопровождал обоз из семи повозок, они обнаружили по дороге какие-то изломанные телеги, а между колесами – зарезанных возчиков. Один из них еще был жив. В то время как они оказывали ему помощь, на них напал отряд арабов. У

испанцев было только одно ружье; они сдались, но тем не менее были все перерезаны, за исключением Блас Рохо, которого, видимо, помиловали за молодость и приятную внешность. Как известно, арабы очень равнодушны к мужской красоте. Его отправили в лагерь, где он нашел других пленных. В полночь одного из них убили без всякой причины. Это был «машинист» (один из возчиков, которому было поручено наблюдение за тормозами повозок) по имени Доминго.

На следующий день, одиннадцатого, Блас узнал, что ночью было убито еще несколько пленных. Это был день большой резни. Лагерь оставался на том же месте; вечером арабы привели двух женщин и ребенка.

Двенадцатого все снялись с лагеря и шли весь день.

Вечером тринадцатого остановились в Дайят-Кереб.

Четырнадцатого продолжали путь по направлению к Ксар-эль-Крелифе. Это был день сражения с полковником Маларе. Пленный не слышал пушечных выстрелов. Последнее заставляет предполагать, что Бу-Амама послал только часть своих всадников проскакать мимо французского экспедиционного корпуса, между тем как обоз с добычей, при котором находился Блас, проходил через шотт на расстоянии нескольких километров, в полной безопасности.

В течение недели шли зигзагами. Придя в Тис-Мулен, не ладившие друг с другом гумы разделились, и каждый взял с собой своих пленных.

Бу-Амама оказался милостивым к пленным, особенно к женщинам, которые, по его приказанию, ночевали в отдельной палатке и охранялись стражей.

Одна из пленниц, красивая восемнадцатилетняя девушка, стала во время пути наложницей одного из вождей племени трафи, который угрожал ей смертью в случае сопротивления. Но марабут отказался благословить их союз.

Блас Рохо был приставлен к Бу-Амаме, но он так его и не увидел. Он видел только сына марабута, руководившего военными операциями; на вид ему было лет около тридцати. Это был высокий молодой человек, бледный, худощавый брюнет с большими глазами, носивший маленькую бородку.

У него было два рыжих коня, из которых один, французской породы, принадлежал ранее, как говорят, майору Жаке.

Пленный ничего не знал о деле под Крейдером.

Неподалеку от Ба-Яла Блас Рохо бежал, но, не зная местности, он был принужден идти берегом пересохших рек и после трех дней и трех ночей пути пришел в Мархум. Бу-Амама имел с собой пятьсот всадников и триста пехотинцев да еще караван верблюдов для перевозки добычи.

В течение двух недель после избиения европейцев поезда день и ночь сновали взад и вперед по маленькой железнодорожной линии шоттов, то и дело подбирая несчастных, изувеченных испанцев и высоких красивых девушек, обнаженных, изнасилованных и окровавленных. По единодушному признанию населения, военные власти могли бы предотвратить эту бойню, если бы были хоть немного предусмотрительнее. Но они так и не справились с кучкой повстанцев. В чем же причины этого бессилия нашего усовершенствованного оружия против арабских самострелов и мушкетов? Пусть это расследуют и объяснят другие.

Во всяком случае, арабы имеют перед нами одно преимущество, против которого мы напрасно стараемся бороться. Они дети своей страны. Обходясь несколькими финиками и щепоткой муки, не зная усталости в этом климате, который изнуряет северян, всегда верхом на лошади, неприхотливой, как они сами, и, подобно им, не чувствительной к зною, они делают за день сто — сто тридцать километров. У них нет необходимости тащить за собой снаряжение, обоз или провиант, и они передвигаются с необыкновенной быстротой, проходят между двух расположившихся лагерем отрядов, чтобы захватить и ограбить деревушку, считающую себя в полной безопасности, после чего бесследно исчезают, а затем внезапно возвращаются, когда, по общему мнению, они должны быть далеко.

В европейской войне, как быстро ни передвигалась бы армия, она все же не может пройти незамеченной. Обилие снаряжения роковым образом замедляет ее переходы и всегда обнаруживает выбранную дорогу. Арабский отряд, наоборот, оставляет за собой не больше следов, чем птичья стая. Эти странствующие всадники носятся вокруг нас так же быстро и с такими же неожиданными

поворотами, как ласточки.

Когда арабы сами бросаются в атаку, их можно победить, и они почти всегда бывают разбиты, несмотря на свою отвагу, но преследовать всадников невозможно: никогда не удастся догнать их во время бегства. Потому-то они тщательно избегают встречи в бою и довольствуются обыкновенно короткими нападениями, изматывающими наши войска. Они стремительно, бешено налетают на своих поджарых конях, как ураган белых плащей и пыли.

Несясь во весь опор, они стреляют из своих длинных ружей с серебряными насечками, а потом резко повернув, удаляются во весь дух так же, как и появились, только на земле остается лежать там и сям конвульсивно вздрагивающий белый комок, упавший, точно раненая птица с окровавленными перьями.

* * *

Гум — вооруженный отряд, выделяемый туземным племенем и обыкновенно находящийся под командой французского офицера.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Н.Соколовой. Neкаýalar